

ФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСПРИЯТИЯ ЛОКАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН

Кротт И. И.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», Омск, Россия (644099, Омск, Набережная им. Тухачевского, 14), e-mail: ivkrott@mail.ru

В данной статье на основе архивных и опубликованных источников проанализирован сложный процесс формирования сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Автор рассматривает основные условия возникновения предпринимательства в аграрном секторе региона (наличие земельного фонда, развитой экономической инфраструктуры, поддержка местных органов власти и управления). Акцентируется внимание на восприятии сельских предпринимателей представителями сибирского общества в условиях начала модернизационных процессов. Показана специфика формирования конфликтного сознания у населения локального сообщества. Особо подчеркивается значимость сельских предпринимателей в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции в Западной Сибири, их организационно-хозяйственное новаторство. Делается вывод о том, что сельские предприниматели выступали «рыночным ферментом», которые изменили сибирское общество, и в то же время они сами испытывали мощнейшее внешнее воздействие со стороны принимающего социума.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сибирская деревня, сельскохозяйственное предпринимательство, частновладельческие земли, модернизационные процессы, конфликтное сознание и поведение.

FORMATION OF AGRICULTURAL ENTREPRENEURSHIP IN WEST SIBERIA IN THE END XIX – EARLY XX CENTURIES: TO THE QUESTION OF ESPECIALLY THE PERCEPTION OF MODERNIZATION CHANGES THE LOCAL COMMUNITY

Krott I. I.

FGBOU VPO "Omsk State Teacher's Training University", Omsk, Russia (644099, Omsk, Quay them. Tukhachevsky street, 14, e-mail: ivkrott@mail.ru

In this article, on the basis of archival and published sources, analyze the complex process of the formation of agricultural entrepreneurship in Western Siberia in the late XIX - early XX centuries. The author examines the basic conditions of a business in the agricultural sector in the region (the presence of land resources, well-developed economic infrastructure, the support of local authorities and administration). Attention is focused on the perceptions of rural entrepreneurs representatives of Siberian society in the beginning of the modernization process. The specificity of the formation of the conflict consciousness among the local population of the community. Emphasizes the importance of rural entrepreneurs in the production and processing of agricultural production in Western Siberia, their organizational and economic innovation. It is concluded that rural entrepreneurs were "market enzyme" that changed the Siberian society, and at the same time they have experienced the most powerful external influence on the part of the host society.

Key words: agriculture, Siberian village, agricultural entrepreneurship, private property lands, the processes of modernization, conflicted consciousness and behavior.

Социально-экономические и политические изменения, которые произошли в нашей стране в конце XX столетия, способствовали повышению внимания исследователей к истокам рыночной экономики. В последние годы наблюдается несомненный интерес к изучению истории российского предпринимательства, в том числе и на региональном уровне. Такое пристальное внимание к проблемам локальной истории предпринимательства объясняется многими факторами. С одной стороны, современная социокультурная методология научного исследования предполагает раскрытие сферы взаимодействия

культуры и социально-экономических отношений, акцентируя внимание именно на области их взаимодействия, с использованием макроаналитических стратегий и микроисторического подхода. С другой, очевидно всем, что в социально-экономической жизни России, ее хозяйственном и общественном развитии всегда важную роль играла Сибирь. Поэтому исследование социальной истории региона, определение в ней роли тех или иных социальных и этнических групп, предоставляет хорошие возможности для понимания закономерностей и особенностей развития национальной истории. В связи с этим изучение истории развития сибирского предпринимательства имеет несомненный интерес. Обращение к данной проблеме позволит рассмотреть целый ряд вопросов, непосредственно связанных с формированием и развитием социокультурного, хозяйственного и общественно-политического пространства сибирского локального сообщества, а также выявить ментальные установки, степень адаптации и поведенческие стратегии социальных групп с учетом региональной специфики.

При всем обилии имеющихся публикаций по истории сибирского предпринимательства конца XIX – начала XX в., на современном этапе требуют специального изучения некоторые вопросы, связанные с характеристикой политических, социально-экономических, культурных условий формирования и развития предпринимательства в аграрной сфере. Поэтому цель настоящей статьи – показать особенности процесса формирования сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.

Данное исследование основывается на использовании широкого круга репрезентативных исторических источников, включающего как опубликованные, так и архивные документы, многие из которых в научный оборот вводятся впервые. Междисциплинарный характер исследования обуславливает использование категорий и методов социальной истории, сочетание макроаналитических стратегий и микроисторического подхода. Макроистория позволяет показать социальные группы в условиях модернизации, выделить общие ментальные основания, раскрыть специфику общественно-исторического развития России и сибирского региона. Микроистория концентрирует внимание на ментальных установках и стратегиях поведения отдельных представителей социального сообщества, что позволяет избежать чрезмерной социологизации истории, сопоставить индивидуальное и коллективное сознание.

Период рубежа XIX–XX вв. для Западной Сибири стал временем структурных перемен. Наиболее ярко отразившись в области промышленности, торговли, развития кредитной системы, они глубоко затронули и сельское хозяйство. Общим знаменателем этих модернизационных изменений были процесс развития капитализма, специализация

производства, включение местного хозяйства в систему всероссийского и европейского рынков.

Проведение Сибирской железной дороги и массовая аграрная колонизация создали широкие возможности для развития частной инициативы. Усовершенствование инфраструктуры, благоприятная рыночная конъюнктура – все это в немалой степени способствовало развитию деловой активности населения локального сообщества.

Переселенческая политика правительства, а также ввод в эксплуатацию Транссибирской магистрали сделали доступными плодородные сибирские земли для миллионов российских крестьян. В общероссийском миграционном потоке направлялись в Сибирь и сельскохозяйственные предприниматели, оставив свои хозяйства в Новороссии, Крыму и других районах Европейской России.

Железная дорога открывала сибирский регион для остальных районов империи двояко: крестьянство стремилось найти здесь массу плодородной земли и условия свободного хозяйствования на ней, сельские предприниматели – возможность организовать дело так, чтобы получать большую, нежели ранее, прибыль [2]. В Сибирь сельскохозяйственных предпринимателей влекли, прежде всего, близость железной дороги и наличие непаханой земли, которую можно было купить или арендовать по «мизерным», в отличие от Европейской России, ценам [1]. Омская газета «Степной край» в 1905 г. по этому поводу писала следующее: «Практический ум этих предпринимателей сразу смекнул, что огромные площади нетронутой сибирской земли, не имеющей здесь настоящей ее ценности, вполне и без всякого риска, послужат самым наивернейшим залогом развития сельскохозяйственного дела, поставленного рационально и на капиталистических началах» [9].

Формированию нового сообщества сельских предпринимателей и развитию их хозяйств в Западной Сибири способствовали наличие в регионе значительного земельного фонда (арендного и частновладельческого), относительно развитая инфраструктура экономического пространства (состояние транспортной системы, торговли, коммерческого кредита, рынка наемной рабочей силы), содействие со стороны местных органов власти и управления [5].

Основная масса предпринимательских хозяйств была образована в достаточно освоенных районах, поблизости от коммуникаций и рынков сбыта. Большинство из них находилось в Омском и Петропавловском уездах Акмолинской области; Тюкалинском, Ишимском, Ялуторовском, Курганском и Тарском уездах Тобольской губернии; Каинском уезде Томской губернии, а также в некоторых других районах Западной Сибири. Такой интерес сельскохозяйственных предпринимателей к этим территориям объяснялся тем, что это

были районы с относительно благоприятными для ведения сельского хозяйства природно-климатическими условиями и развитой экономической инфраструктурой.

Большинство предпринимателей были мигрантами из юго-восточных областей и губерний Европейской России – Таврической, Екатеринославской, Саратовской, Харьковской, Кубанской губерний и области Войска Донского [4]. Это обстоятельство связано с целым рядом причин. Во-первых, с недостатком земли и дороговизной аренды в местах выхода, понижавших рентабельность сельского хозяйства вообще и животноводства в частности. То есть предприниматели столкнулись с проблемой интенсификации своих хозяйств. Интенсификация требует огромных затрат капитала и, если иметь в виду мировой опыт, как правило, происходит тогда, когда существует избыток труда, недостаток земли и достаток капитала. В России всегда был избыток земли и недостаток капитала, поэтому возникавший в отдельных районах избыток труда «переливался» в районы избытка земли и недостатка труда.

Во-вторых, в конце 90-х гг. XIX в. началось мощное вытеснение сельского населения из губерний Новороссии под влиянием развития там капиталистических отношений.

Третьей причиной стало «открытие» Западной Сибири для предпринимательского освоения, что объяснялось, как мы уже указывали, постройкой Сибирской железной дороги, переселенческой политикой и изъятием «излишков» земель у аборигенного кочевого населения.

Страницы сибирской прессы рассматриваемого периода пестрят заметками, указывающими на широкое распространение в области аграрного производства «капиталов», «знаний и предприимчивости». В источниках постоянно подчеркивается, что сельскими предпринимателями в регионе были «крупные сельские хозяева из пределов Европейской России», «вездесущие во всех русских степях тавричане, херсонцы и кубанцы – тип разбогатевших крестьян, подражающих во многом колонистам-немцам». При этом и сам «немецкий элемент» составлял значительный процент предпринимательского сообщества в аграрной сфере региона [9, 10, 8].

Указанные выше факты приводили к постепенному формированию со стороны сибирского общества в отношении сельских предпринимателей – мигрантов из европейской части империи бинарной пары «мы – сибиряки» – «они, другие – несибиряки». В частности, фактор увеличения в регионе пришлого населения в начале XX столетия, безусловно, у сибиряков-крестьян вызывал чувство недовольства, стесненности и, соответственно, усиливал единство, защиту традиций и своего «Мы». В этом отношении очень показательны рассуждения А. Невесова, опубликованные на страницах популярного в регионе журнала «Сельскохозяйственная жизнь». В статье «Перелом» автором подчеркивалось:

«Исключительное время переживает теперь Прииртышская степь. ... Казалось, непробудным сном спала наша степь... Жизнь шла стороной. Но вот, сначала в одиночку, а потом все чаще и чаще, стали заглядывать искатели счастья и хлеба. Старожилы с любопытством смотрели на них и даже были рады: все же лишний покупатель на те продукты, выхода которым не было, все же лишний новый человек. Но не долго покупали пришельцы. В короткий срок они осели, окрепли и сами повезли на рынок те же самые продукты, только в большем количестве и лучшего качества. Конкуренция! Страшное слово, могучее слово, оно не было еще знакомо здесь, в степи.

Жилось подчас и голодно, подчас и по звериному, но жилось привольно. Никто никому не мешал.

Но то были передовые отряды великой армии. В первую очередь шли люди состоятельные, независимые.

А когда вслед за ними едва намеченной дорогой неудержимо хлынул поток российского крестьянства, когда этот безземельный серый люд в какой-нибудь десяток лет заполонил все ковыльные просторы, сторожил очутился в тисках. Вначале он не мог даже отдать себе отчета во всем, что происходит вокруг, и лишь теперь стал разбираться в сложной механике событий. Он и не заметил, как попал в стремительный водоворот и, пока он подводил итоги, жизнь ушла далеко, она вылилась в новые формы. И горе ему, если он хотя бы на шаг отстанет от нее. А нелегко ему угнаться: не привык он к торопливости и шуму...». Обратим внимание на выражения «конкуренция», «*жилось привольно*» отражающие недовольство происходящими процессами в сибирском обществе.

Подобные поведенческие практики представителей локального сообщества могут быть объяснены реалиями модернизационного развития региона в конце XIX – начале XX вв., в результате которого и формировалось конфликтность восприятия. Современная гуманитаристика рассматривает конфликт как обострение противоречий между старыми нормами жизни, ценностями, стратегиями поведения и новыми ментальными представлениями людей, распространяющимися на все сферы жизни. При этом отмечается, что в локальном, замкнутом обществе, а сибирское общество до строительства железной дороги и массовых аграрных миграций было именно таковым, конфликт возникает как следствие нарушения традиций, как наказание за нововведения. В тесном мире традиционного сообщества нет места для «чужих». Но как только «чужой» появляется, конфликт неизбежен, так как «пришелец» представляет опасность. Он воспринимается как причина конфликта, как разрушитель социальной действительности, то есть установленного порядка. Характерное для традиционализма «монохромное» видение мира позволяет рассматривать в качестве «чужака» любого, кто, так или иначе, отличается от принятого

стандарта поведения или мышления [6]. «Пришлые» в Сибирь сельские предприниматели из Европейской России играли как раз роль таких «чужаков», которые своей деятельностью непосредственно изменяли социальную реальность в регионе, сибирскую повседневность в целом.

При этом отметим, что у предпринимателей в аграрной сфере этап переселения явно сопровождался кризисом идентичности данной социальной группы. Подобные сообщества, возникшие на основе миграционных процессов, демонстрировали особый набор отличающих их социотипических черт. Ядром данной социальной модели являлся переселенец, по определению несущий в своем сознании черты дуализма. Идентифицируя себя с российской общностью, конкретизировавшейся в сознании до определенного культурного поля, откуда вышел каждый предприниматель переселенец, в то же время он, с той или иной долей уверенности, начинал со временем ассоциировать себя с неким региональным сообществом – «мы – сибиряки». Процесс перестройки сознания на «мы – сибиряки» был сложным и многоуровневым. Кроме того, возможно предположить наличие кризиса и общей идентичности, связанного с трансформацией сибирского общества в результате модернизации в конце XIX – начале XX в.

Поворот к экономической активности, вызванный сооружением Транссибирской магистрали, изменил повседневную жизнь, стратегии поведения представителей сельского локального сообщества. Покупки и продажи различных товаров стали обычным явлением в жизни сельских жителей, которые в новых условиях втягивались в экономическую деятельность. Определенным образом поменялся характер труда земледельца и животновода. Теперь он был сопряжен с покупкой сортовых семян, усовершенствованных сельскохозяйственных машин и сепараторов. Произошло усиление отраслевой специализации хозяйств, что особенно было заметно у сельского населения, занимающегося маслоделием.

Предпринимательские хозяйства региона по своей структуре делились на две группы. Первая – меньшая по количеству хозяйств, но большая по площади используемых земель – носила чисто капиталистический, предпринимательский характер. Вторая группа была представлена фермерскими хозяйствами, где наряду с наемными рабочими в производственном процессе принимали активное участие и все члены семьи владельца [1]. Так, анкетное обследование предпринимательских хозяйств Акмолинской области в 1912 г. установило, что средний размер хозяйств первой группы колебался в пределах 5–6 тыс. дес., достигая в некоторых случаях 15–17 тыс. дес. земли. При этом данные земельные угодья находились, как правило, в арендном пользовании владельцев. Хозяйства второй группы

были более мелкими по площади, в среднем 600–800 дес., но земля находилась в собственности [1].

Сельские предприниматели со временем стали играть заметную роль в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции в регионе. При этом особое значение имели так называемые «культурные хозяйства», сосредоточившие в себе последние достижения в области агрокультуры – лучшие сорта зерновых и технических культур, улучшенные породы животных, новейшую сельскохозяйственную технику. Кроме того, многие предприниматели самостоятельно производили научные опыты, направленные на интенсификацию производства. Такие хозяйства являлись образцами организационно-хозяйственного новаторства для местного населения [4, 3].

Таким образом, процесс формирования сельскохозяйственного предпринимательства во многом был связан именно с модернизационными явлениями, которые наблюдались в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Омский журналист, отмечая эти моменты, писал: «Новые люди несут новые порядки. Они всегда оказываются энергичными, богаче опытом и знаниями старых хозяев и быстро становятся господами жизни» [7]. Необходимо признать, что новое сообщество сельскохозяйственных предпринимателей выступало в регионе в качестве «рыночного фермента», меняющего сибирское общество, оно было «агентом» социально-экономической, культурной модернизации и в то же время само испытывало мощнейшее внешнее воздействие со стороны принимающего социума.

Предприниматели мигранты и представители сельского локального общества выступали носителями конфликтного сознания, специфика которого заключалась в понимании противоположности своих ценностей, интересов, целей и превращения их в мотивацию активности. Сельскохозяйственным предпринимателям были характерны нормы поведения и идеи, отличные от существующих, в рамках культуры сибирского общества до начала модернизационных процессов. Не находя себе места в системе отношений, типах деятельности в Европейской России, они являлись носителями конфликтных тенденций и новаторства, конфликтной логики мышления и поведения. Приехав в Сибирь, предпринимателям, в том числе и в аграрной сфере, были свойственны новые, отличные от местных, ментальные представления. Поэтому они и начали «борьбу» за ценности и претензии на определенный социально-экономический, культурный статус, за недостаточные для всех материальные и духовные блага.

Список литературы

1. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. ЛЛ. 48, 49.

2. Государственный Исторический архив Омской области. Ф. Р-209. Оп. Д. 742. Л. 8–9 об.; Ф. 67. Оп. 2. Д. 2408. Л. 8 об.; Д. 2855. Л. 68.
3. Земля для коневодства и скотоводства в Азиатской России. – СПб., 1913. – С. 70–153, 209–225.
4. Зефирова Н. Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области. – Омск, 1914. – С. 2.
5. Кротт И. И. Формирование сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы экономической и социальной истории Сибири XVIII–XX вв. (Из истории предпринимательства). Сборник научных статей. – Омск, 2006. – Вып. 6. – С. 99–118.
6. Макарьева Н. В. Формирование образа конфликта в традиционном менталитете // Социальные конфликты в истории России. Материалы Второй Всероссийской научной конференции. Омск, 30 ноября 2006 г. – Омск, 2006. – С. 17-19.
7. Невесов А. Перелом // Сельскохозяйственная жизнь. – Омск, 1914. – № 2. – С. 4–8.
8. Сибирское слово. – Томск, 1911. – № 151. – С. 2.
9. Степной край. – Омск, 1905. – № 133. – С. 3.
10. Степной край. – Омск, 1905. – № 136. – С. 2-3.

Рецензенты:

Худяков В. Н., д-р истор. наук, профессор, декан факультета истории, философии и права, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск.

Чуркин М. К., д-р истор. наук, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск.